

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2025), 39–58
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2025), 39–58
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-1-87-39–58

«СЛЕДЫ ДИОНИСА» В СВАТИЛИЩЕ ДЕМЕТРЫ И КОРЫ НА ФОНТАЛОВСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

А.А. Завойкин

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: bospor@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1576-5802

В статье рассматриваются находки из святилища Деметры и Керы-Персефоны, расположенного на изолированном мысу в центральной части поселения Береговой 4 (Фонталовский полуостров), которые связаны с почитанием Диониса. Их немного, но они сравнительно разнообразны. Это изображения самого бога (его маски), фрагменты терракотовой статуэтки и фигурного сосуда, представляющие Диониса или его спутника Силена, керамические вотивы в виде атрибута бога – виноградной грозди, наконец, три статуэтки, одна из которых представляет полуобнаженного мальчика в «дионисовом венке», играющего с собачкой, и две однотипные статуэтки сидящих девушек, которые в одной руке держат гроздь винограда, а другой рукой удерживают гуся (утку), тянущегося к плодам. В статье акцент сделан на анализе культового аспекта этих приношений в святилище двух богинь, а также на хронологии рассматриваемых предметов. Автор отмечает взаимосвязь сюжетов и атрибутов, обнаруженных в святилище, с некоторыми погребальными традициями на Боспоре в период эллинизма. Примечательно, что вотивные приношения, очевидно связанные с культом Диониса в этом святилище, датируются на ранее IV в. до н.э., но в основном относятся ко II – первой половине I в. до н.э. На этом основании сделан вывод о том, что в предшествующий период (конец VI – V в. до н.э.) почитание многоликого бога осуществлялось в святилище в иных, не столь очевидных формах.

Ключевые слова: Боспор, святилище, Береговой 4, Деметра, Кора, Дионис, терракота, вотивы, статуэтки

Данные об авторе. Алексей Андреевич Завойкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Изначально статья была подготовлена для публикации в сборнике ГИМ, посвященном памяти Н.А. Фроловой. По неизвестным мне причинам это издание не увидело свет. Поэтому считаю уместным вернуть свой долг памяти замечательной исследовательнице нумизматики Боспора, хотя бы спустя годы.

В настоящей редакции работа публикуется в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

*Светлой памяти
Нины Андреевны Фроловой
посвящается*

Присутствие в святилище Деметры и Коры-Персефоны изображений Диониса, его символов и спутников, конечно же, не должно вызвать удивление, поскольку этот бог в разных своих ипостасях и под разными именами (Загрей, Иакх, Эвбулей) – неизменный персонаж элевсинского предания и культа. Он, – пользуясь словами А.Ф. Лосева, – «если еще <...> и не Аид и не сын Аида, то он во всяком случае сын Персефоны (№ 20a-g) или даже самой Деметры (№ 20n)»¹. И далее: «Античность знала много разных Дионисов, и Загрей есть только один из множества его образов. Три Диониса находим у Филодема (№ 21j), до четырех Дионисов различают Цицерон (№ 20j) и Лид (№ 20j), пять Дионисов перечисляет Диодор (№ 20n). У Нонна встречаем такое разделение: 1) Дионис, сын Персефоны, которого Нонн называет большей частью первым Дионисом или Загреем (см. № 25bc-d), но также и Иакхом (XXXI. 66); 2) Дионис, сын Семелы, связанный с фиванскими мифами, или «позднейший Дионис (№ 25c-d); 3) Дионис-Иакх, сын фиванского Диониса и Ауры (XLVIII. 469). Если второй из этих Дионисов есть чисто греческий бог, а третий, кроме того, основное божество элевсинских мистерий, то первый <...> далеко выходит за пределы Греции, имея свой ближайший прототип в Загрее Критском»².

Вотивные приношения, найденные в святилище Береговой³, лишь фиксируют присутствие здесь этого многоликого бога, но, разумеется, ни в какой степени не могут внести дополнительную ясность в проблемы, которые вызывали затруднения и неоднозначность суждений уже у древних авторов, а вслед за ними – у глубоких исследователей греческой мифологии⁴. Перед нами стоит существенно более простая задача – охарактеризовать в хронологическом аспекте локальные особенности презентации Диониса в святилище Деметры и Коры-Персефоны на берегу Киммерийского Боспора.

Находки вотивных приношений, прямо указывающих адресата, сравнительно немногочисленны. Прежде всего это небольшие терракотовые маски⁵ бородатого

¹ Лосев 1957, 145. Ссылаясь, в частности, на Диодора (V. 75, 4) и Еврипида (fr. 472), выдающийся русский исследователь мифологии пишет: «Точнее, Загрей настолько же сын Аида, насколько он сам Аид» (Лосев 1957, 144, 165).

² Лосев 1957, 145–146. О связи Диониса с Элевсином также см.: Кереньи 2007, 66–71, 84; 2000, 57–63, рис. 5 (именно Дионис, которого Гераклит отождествляет с Аидом [fr. 15 Diels], является похитителем Керы на Нисийской равнине); 148–149; 155 («Невзирая на то, какое множество деталей может еще недоставать нашему воссозданию элевсинской священной легенды об обольщении Персефоны, из тумана неопределенности вырисовывается одно: божественная троица... Это непрерывно связанные друг с другом Деметра, Кора и Дионис»); 183–186, рис. 55, 56 (согласно орфической традиции, хтонический Дионис – Эвбулей; он же владыка подземного царства «в юношеском образе»; «в том, что касалось мира живых людей, божественную триаду составляли Деметра, Кора и Дионис. В мистической триаде подземных божеств третьей фигурой, после Персефоны и ее мужа, был Эвбулей»).

³ О нем см.: Завойкин 2006а; Завойкин, Сударев 2009.

⁴ Ср. Цымбурский 2002, 141 сл.

⁵ В. Буркерт называет маску «внешним атрибутом и инструментом совершаемого богом преображения». «В греческой религии нет второго подобного примера, чтобы при подобном преображении почитатель и бог сливались в одно; и тот и другой назывались bacchos» (Буркерт 2004, 268).

Диониса в высокой «жреческой» повязке в виде тюрбана, с венком из листьев и плодов плюща с двумя так называемыми «коримбами»⁶ в центре и выступами-рожками по бокам от них⁷: одна совершенно целая, другая фрагментированная (с так называемой «ассирийской» бородой⁸) и два обломка от других двух масок (фрагменты верхней части с повязкой и плющевым венком и с нижней частью бороды⁹) (рис. 1, 1–4).

Рис. 1. Маски Диониса и их фрагменты (1–4), грозди винограда (5, 6), верхняя часть фигурного сосуда (7), фрагмент полый статуэтки – голова сидящего силена (8)

⁶ Κόρυμβος ὁ (pl. τὰ κόρυμβα): 1) оконечность корабля, край кормы; 2) вершина; 3) бот. пучок, гроздь, кисть; 4) высокая прическа.

⁷ Ср.: «Жреческая повязка в виде выпуклого валика, перевитого лентой с бантами по бокам. Два коримба, венок из листьев и цветов плюща, иногда узкая повязка на лбу дополняют головной убор бога... Среди листьев венка видны два небольших продолговатых отростка, в которых большинство исследователей склонны видеть рожки. В подобном оформлении маска представляет собой образ Диониса-Быка, буколический культ которого являлся одним из древнейших в земледельческой религии, связанной с представлениями о жизни и смерти» (Финогенова 1990, 190).

⁸ Аналогична: Финогенова 1990, 191, рис. 1, 4–6.

⁹ Трактовка бороды на этой маске отличается от прочих. Ср. Frontisi-Ducroux 1991, 209, 210, 260, fig. 118: конец V в. до н.э.

Все они найдены в верхнем горизонте культурного слоя и по многочисленным аналогиям, вероятно, должны быть датированы II – первой половиной I в. до н.э. Наиболее ранние маски из Северного Причерноморья С.И. Финогенова относит еще к IV–III вв. до н.э.¹⁰ «Связь Диониса с погребальным культом в Херсонесе зафиксирована находками терракотовых масок бога и его спутников в одной из могил еще III в. до н.э. [Белов, 1970: 74]»¹¹. Н.В. Молева сообщает о находке вотивной маски Диониса в китейском зольнике в слое IV в. до н.э.¹²

А.С. Русяева, отмечая относительно небольшое (в сравнении с другими причерноморскими полисами) количество источников по культу Диониса на Боспоре, в то же время указывает на то, что довольно многочисленные находки в Пантикапее терракотовых масок Диониса «бесспорно отражают популярность его культа в III в. до н.э.», а также на то, что в количественном отношении маски Диониса и сатиров на Боспоре существенно превышают их находки в других понтийских центрах¹³. Иначе говоря, эти культовые предметы отражают определенную специфику почитания Диониса на Боспоре¹⁴.

С поклонением Дионису связаны и керамические вотивные поделки в виде виноградных гроздей (рис. 1, 5, 6)¹⁵. Подобные находки также хорошо известны в культовых контекстах времени правления на Боспоре Митридата VI Евпатора Диониса (и, быть может, несколько позднее) одновременно с масками этого бога¹⁶, в том числе представленного в виде «Диониса-винограда»¹⁷, например, в святилище Диониса и Афродиты (?) на акрополе Пантикапея¹⁸. Впрочем, вопрос о хронологии таких предметов, на мой взгляд, отнюдь не может считаться окончательно решенным только на основании боспорских материалов.

Хотя мне остались неизвестными более ранние боспорские комплексы с виноградной гроздью (в отличие от косточек миндаля)¹⁹, аналогичных той, что была

¹⁰ Финогенова 1990, 190.

¹¹ Русяева 2005, 404; Белов 1970, 74, № 16–19, табл. 12, 1–6. Из гробницы 611/1896 г. Высокое качество исполнения лика Диониса (см. Белов 1970, табл. 12, 4) позволяет поставить ее в начало хронологического ряда аналогичных масок.

¹² Молева 2002в, 152, 153. Любопытно, что, по информации исследовательницы, для слоя III–I вв. до н.э. «лики самого Диониса» не характерны, в них терракота представляет исключительно его свиту (сатиры, силены, менады).

¹³ Русяева 2005, 405, 408.

¹⁴ Которую только оттеняет отсутствие здесь таких, например, предметов культа бога (в ипостаси Загря), характерных для Ольвии и Аполлонии Понтийской, как свинцовые *букрании* и *лабрисы* в могилах и могильных насыпях (см. Русяева 2005, 392).

¹⁵ Найдены на поверхности с тремя очагами горения (*эсхарами*): один представлял собой кольцевидный керамический предмет (заполненный продуктами горения), служивший переносным очагом (объект 4.4а), два других – пятна обожженного грунта (объект 4.4б), размеры которых говорят о том, что они, образовались вследствие перемещения керамического очага. Рядом обнаружены и другие керамические вотивы: фигурка какого-то животного («лошадка»), косточка миндаля, фрагментированный предмет в виде «расчесанной пряди» волокон или волос (Завойкин 2003, 99, рис. 1, 8, 9).

¹⁶ Денисова 1981, 65–66.

¹⁷ Пругло 1970, 99, № 23, табл. 44, 5; Финогенова 1990, 193, 194, рис. 2, 1.

¹⁸ Толстиков, Виноградов 1999, рис. 7, 16; Ильина, Муратова 2002, 115–121.

¹⁹ В 1906 г. В.В. Шкорпил (1909, 74–75, № 70) в земляной гробнице, впущенной в полу кургана, в которой был похоронен ребенок, открыл любопытнейший комплекс из 12 терракотовых статуэток. «Возле левой руки лежал гротеск, представляющий старика <...> возле правой – маска юноши в колпаке. Между этими двумя фигурками лежали 2 совершенно одинаковые фигурки сидящих женщин, 3 стоящие женщины разных типов, 2 разных бюста Коры и медальон с изображением пляшущего Эрота, уронившего флейту. Две фигурки распались на мелкие кусочки. Вправо от пяток

найден в том же контексте, что и гроздь винограда), можно с полной уверенностью утверждать, что такой керамический вотив получил широкое распространение в погребениях различных центров Средиземноморья уже в относительно ранний период, по крайней мере с IV в. до н.э. Во многих музеях, в которых представлены находки из некрополей греческих центров Южной Италии и Сицилии, имеются образцы богатых наборов керамических вотивных приношений²⁰. Среди них и виноградная гроздь, и миндаль, и многие другие «загробные дары» в виде плодов²¹, «печений» (ἐπιπέματα²²), медовых сотов²³, сыра, неких предметов в виде «расчесанного волокна/локона» S-видной формы²⁴ и др.

Для нас важно, что эти вотивы в особенности характерны для погребений (в том числе на Боспоре – косточка миндаля²⁵, см. сноску 21), а также то, что по

костяка стояли 2 простых глин. блюдечка с *терракотовыми миндалями* и такая же поделка, представляющая, кажется, *пирожное*. Монета во рту погребенного (Бурачков 1884, табл. XX, 89) определяет *terminus post quem* погребения – 330–315 гг. до н.э. А.А. Масленников (1999, 130) упоминает вотивную косточку миндаля в комплексе терракоты из помещения на пос. Полянка второй половины I в. до н.э. (Сапрыкин, Масленников 1998, 136–137).

²⁰ Превосходные наборы вотивной пластики известны мне в экспозициях. В Музее археологии и антропологии Пенсильванского университета, Филадельфия: наряду с другими фруктами – виноградная гроздь, сыр, печенье в виде лепешки с радиальными надрезами по краю (ср. Brumfield 1997, 151, nos. 10, 68, 73, etc., pls. 46–50: тип 2 – *πλακοῦς*), «прядь волокон» C-видной формы, предмет в виде спирали в два витка, «букраний» (или печенье в виде головы козла? ср. *ἄχαῖα* – печенье в форме козла, приносимое Деметре и Коре во время праздника «Больших хлебов» в Беотии (Athen. 109e; Plut. De Is. et Osir. 378e)), предмет продолговатой («фаллической») формы, предмет (или фигурка?) сложной формы, идентифицировать который я не смог. В Национальном археологическом музее Пестума, три комплекса: 1) печенье в виде плоских лепешек с выступом по середине (ср. Brumfield 1997, 150, nos. 9, 10, 20, 36, 49, 55, 64, pls. 46, 51: тип 4 – *πότανον μονόφαλον*) и сыр; 2) яйцо (?), фрукты, в том числе – гроздь винограда, две косточки миндаля; 3) фрукты, в том числе – пластина в виде грозди винограда, мед в сотах, печенье, украшенное рельефными S-видными завитками, «прядь волокон» S-видной формы, неопределенный предмет C-видной формы с вогнутой плоскостью с одной стороны и выпуклой с другой (см. рис. 2, 2). В музее г. Кассель (Museum Palace Wilhelmshöhe/Staatliche Museen Kassel, Antikensammlung, Ton. T 951a-n, из Пестума (?), ок. 360–340 гг. до н.э.; см. рис. 2, 1): наряду с другими фруктами – виноград, яйцо, фигурное печенье, украшенное S-видными завитками, мед, сыр и «прядь волокон» S-видной формы. Нет полной уверенности в том, что во всех случаях это исходные комплексы находок, а не экспозиционная инсталляция, в которой комбинируются вещи из разных комплексов. Сходную композицию плодов на тарелке можно видеть на рельефе мраморного саркофага из Триполи (первая половина II в. н.э.): ее подносит к *клине*, на которой возлежит дама, служанка (Археологический музей, Стамбул, inv. 345 T).

²¹ Среди них выделяются: плод граната, яблоко или айва, инжир (дар Диониса – *σῖβκος*, отсюда его эпитет в Лаконии: *σικάρτης* (Hesych. s.v. *σικίτης*; см. Нильссон 1998, 50, примеч. 1), финики, наряду с иными плодами, вид которых определить затруднительно.

²² См. Sokolowski 1955, no. 38, lines 10–12.

²³ Или же это печенье в виде сотов (?) – *μόλλος*, которое изготавливалось из кунжута и меда и преподносилось Деметре и Коре во время Фесмофорий в Сиракузах (Athen. 647a). На Наксосе Дионис имел эпитету *μελιχίως*, т.е. медовый, милосердный, ласковый (Athen. III, p. 78c; Нильссон 1998, 50, прим. 1).

²⁴ Атрибутировать этот предмет не удастся. Исходя из контекста, можно лишь предполагать, что это съедобный плод или, скорее, изготовленный продукт (печенье или сыр), которому придали специфическую форму (S- или C-видную), имитирующую нечто, возможно и животного происхождения. Важный признак – «волокнистость» поверхности предмета. Впрочем, Афиней, цитируя Полемона, автора III в. до н.э., упоминает, наряду со съедобными продуктами, которые клались в *кернос* во время ритуалов в честь Деметры, «немытую <овечью> шерсть» (Athen. XI. 478d).

²⁵ А также «пирожное», т.е. печенье или сыр.

крайней мере²⁶ три вида вотивов (виноградная гроздь, косточка миндаля и фрагмент предмета в виде «расчесанного волокна/локона») представлены и в нашем святилище. Пожалуй, здесь не место рассуждать о том, каким божествам были адресованы те или иные загробные дары²⁷ и подношения в святилище, но нет сомнений в том, что в их числе был Дионис в хтонической своей ипостаси.

Еще одна интересная находка в святилище – обломок пустотелой, оттиснутой в формах статуэтки: голова «бородатого Силена» в характерном венке в виде толстого валика²⁸, выполненная с большим мастерством. Старческое лицо с выпуклыми надбровными дугами, широкий нос, тяжелые полуприкрытые веки – склоняют к традиционному мнению²⁹, что эта терракота представляет учителя и спутника Диониса, Силена³⁰ (рис. 1, 8а, б). Типологически эта статуэтка ближе всего изображению Силена в образе Плутона с рогом изобилия³¹. Однако изображение «тучного» Диониса с лозами и канфаром³² в руках на аттической чернофигурной амфоре из Royal Ontario Museum в Торонто³³ заставляет быть более осторожным в определениях³⁴.

Учитывая то, что на верхней поверхности головы нашей статуэтки имеется довольно обширное круглое отверстие (возможно, технологического характера), и незначительную толщину её стенок, кажется небесполезным сопоставить нашу терракоту с фигурными вазами из Олинфа в виде сидящих силенов, во всяком случае в иконографическом плане³⁵.

К дионисийской тематике, несомненно, имеет отношение и фрагмент фигурного сосуда закрытого типа³⁶, от которого сохранились фрагменты венца, горла и самой верхней части тулова, выполненного в форме головы (сохранился лишь край прически). Поверхность горла, непосредственно под нижним выступом венца, украшена рельефом вьющейся лозы, с которой свешиваются виноградные гроздья (рис. 1, 7). Это позволяет уверенно говорить о том, что сосуд представляет собой изображение головы персонажа, связанного с богом виноделия. Аналогии этому сосуду отыскать не удалось. Хотя в Северном Причерноморье известны фигурные сосуды главным образом первых вв. н.э. (но не только)³⁷, не подлежит

²⁶ Возможно, к их числу следует добавить керамические вотивы, изображающие то ли гранат, то ли головку мака (см. Завойкин 2003, 99, рис. 3).

²⁷ Не требуют, пожалуй, комментариев лишь плод граната и яйцо.

²⁸ На нем невысоким рельефом намечены округлые выпуклости, идущие в ряд.

²⁹ Кобылина 1961, 87, табл. XII, 3. По слою датирует голову статуэтки из Фанагории III в. до н.э.

³⁰ Согласно Диодору (Diod. IV. 4, 3), он – воспитатель и кормилец Диониса, сопровождал его в походах. По Павсанию (I. 23, 5), так называют сатиров, достигших преклонных лет.

³¹ Ср. Schauenburg 1954, 53, 54, Abb. 11, 12. Обе статуэтки из Тарента, во втором случае божество представлено как «тучный демон», в гротескной манере.

³² Об этом атрибуте бога см.: Hedreen 1992, 88–90; Лиссаппа 2008, 26, прим. 42; Carpenter 1986, 1, note 1; Gras 1984, 325–339.

³³ ABV 282, 2; Hedreen 1992, pl. 12.

³⁴ Необходимо принимать в расчет трансформацию иконографии бога: «В идеализирующих изображениях VII и VI вв. Дионис предстает в виде старого, бородатого бога, закутанного в длинное покрывало, держащего в руке специфический сосуд для вина – канфар, kantharos. В середине V в. <...> происходит омолаживание Диониса; теперь, в согласии с гомеровским гимном, его изображают юным и в большинстве случаев обнаженным» (Буркерт 2004, 274).

³⁵ Robinson 1952, pl. 119, nos. 395 и особенно 396. Первая половина IV в. до н.э.

³⁶ Невозможно сказать, был ли это кувшин или двуручный кубок.

³⁷ Включая изображения божеств, например: лепной сосуд в виде головы Диониса, округи Кеп, II–III вв. н.э. (Сорокина 1997, 55, рис. 40); кувшин с изображением одной из харит (?); лекиф с изображением лика Афины, Пантикапей, IV в. до н.э.; гуттус и кувшинчик в виде бюста богини (напо-

сомнению тот факт, что подобного рода предметы были в ходу у греков и в предшествующие столетия³⁸. Нет сомнений и в том, что это изделие не было бытовым сосудом³⁹. Об этом, в частности, свидетельствует и характер выделки венца, сравнительно небрежный, едва профилированный. По слою эту находку, скорее всего, следует отнести ко II – первой половине I в. до н.э.

С почитанием великого и многоликого бога, на мой взгляд, безусловно связаны и три терракотовые статуэтки двух типов⁴⁰, тоже найденные в верхнем горизонте культурного слоя святилища: фигурка стоящего полуобнаженного мальчика, играющего с собачкой, и две сидящие на высоком постаменте женские фигурки, держащие в левой руке гроздь винограда, а правой – «придерживающие» гуся (утку). Традиционно их относят к числу «жанровых»⁴¹, что справедливо лишь отчасти⁴².

Эти сюжеты в различных вариациях хорошо известны в коропластике Боспора позднеэллинистического времени. В большинстве случаев терракоты с данными сюжетами встречены в погребениях, в том числе в комплексах с другими типами мелкой пластики, иногда многочисленными⁴³, а также в культовых комплексах на поселениях⁴⁴. Это позволило справедливо поставить вопросы как о том, что подбор сюжетов терракот в погребальных (и иных культовых) комплексах не был случаен⁴⁵, так и о том, что эти сюжеты связаны с погребальной практикой вообще и с культами хтонических божеств в частности⁴⁶.

Первый тип статуэток представляет фигурку мальчика с поднятой на уровень минает тип раннеэллинистических протом), I–II вв. н.э. (там же, табл. IV, 1, 3, 4, 6). Любопытны канфары конца IV – III в. до н.э. с двусторонними ликами дионисийского круга, найденные на Боспоре, из собрания ГИМ (там же, табл. V, 1, 2).

³⁸ Например, см. Robinson 1952, 290, no. 400, pl. 121 – голова Диониса, V или начало IV в. до н.э. и др. (Ibidem, pls. 122–132).

³⁹ По мнению М.И. Максимовой, в архаический период «Фигурные вазы играли известную роль в культе мертвых и связаны были с народными представлениями о загробной жизни <...> но <...> более точное определение той роли, которую играли отдельные типы фигурных ваз в культе мертвых, связано с исследованием назначения фигурных изображений в данном культе вообще», однако с эллинистического времени они перестали играть культовую роль и стали предметами быта (Максимова 1916, 3, 4). Д.С. Герцигер (1976, 85) возражает этому тезису, ссылаясь на тот факт, что большая часть фигурной керамики и в первые века н.э. происходит из могил.

⁴⁰ Все они изготовлены из красной боспорской глины. О них подробно: Завойкин, 2006б.

⁴¹ Исследователи коропластики уже отмечали, что «жанровые» типы терракоты (за некоторыми исключениями) не имели на Боспоре предшествующей традиции. В.И. Денисова (1981, 77) датирует их *не ранее* второй половины I в. до н.э., что опровергается нашими находками. Т.В. Мирошина и А.В. Сазанов (1990, 78) называют такие терракоты локальным вариантом танагрской школы, утвердившейся на Боспоре в середине III – II в. до н.э., когда в метрополии эти сюжеты уже потеряли популярность («пост-Танагра»).

⁴² Сложно отрицать, что такие и подобные им сценки вполне реальны в обычной жизни людей. Однако во всех случаях необходимо принимать в расчет конкретный контекст. Так, на краснофигурном хусе, найденном в числе сопроводительного инвентаря в могиле конца третьей четверти V в. до н.э. на афинском Керамике (хранится в музее Керамика) изображена игра двух мальчиков с двумя собачками. Приманку дети держат на палочках, к которым она привязана. Это вполне реалистичная сценка из жизни. Но сосуд найден в погребении, и, на мой взгляд, более чем просто вероятно, что сюжет росписи на нем связан с посмертной темой (об этом см. ниже).

⁴³ Усачева 1983, 80–81, рис. 2, 11, 12 (конец II в. до н.э.); Мирошина, Сазанов 1990, 73–74, рис. 2, 4 (середина III – середина II в. до н.э.); Кобылина 1961, 112–113; и др.

⁴⁴ Сокольский 1976, 93 сл., рис. 58, 4, 13; Сапрыкин, Масленников 1998, 436, рис. 1, 2; 2, 5.

⁴⁵ Шелов 1987, 44; Мирошина, Сазанов 1990, 78; ср. Усачева 1983, 81.

⁴⁶ Усачева 1983, 80; Масленников 1997, 136–137; Сапрыкин, Масленников 1998, 480.

головы правой рукой, левая рука согнута в локте на уровне талии, прижимая к телу тарелку, в которой лежат плоды⁴⁷; через левое плечо и руку переброшен плащ, закрывающий спину, остальные части тела обнажены; нижняя часть тела тяжеловесна: акцентирована детская припухлость живота и бедер; стеклом выделены паховые складки, половой орган едва намечен (почти отсутствует). Голова увенчана венком из листьев плюща и винограда с двумя выступами («коримбами») надо лбом. У левой ноги мальчика, припав на передние лапы и приоткрыв пасть, располагается собачка, изготовившаяся к прыжку за приманкой, которую держит в правой руке ребенок (рис. 3, 1)⁴⁸.

Убор головы выдает божественное происхождение ребенка или же его посвященность Дионису⁴⁹, а нижняя часть обнаженного тела трактована мастером подобно тому⁵⁰, как принято было изображать Аттиса⁵¹. Поэтому позволительно видеть в данном персонаже образ юного «синкретического» божества Диониса-Аттиса, победителя смерти и покровителя душ умерших⁵². Однако все же следует подчеркнуть, что ни головной убор, ни одежда ребенка, ни его аксессуары не находят соответствий в иконографических образах юного фригийского божества⁵³.

Рис. 2. Керамические votивные приношения из погребений некрополя Посейдонии в экспозициях музеев Касселя (1) и Пестума (2). Фото автора

⁴⁷ «Яблоки» и какие-то еще мелкие предметы или плоды, намеченные стеклом.

⁴⁸ Аналоги: ДБК, табл. LXIV, 6; Финогонова 1992, 242, 246, рис. 12 (I в. до н.э.). По мнению С.И. Финогоновой, сюжет и композиция заимствованы в малоазийской терракоте, в частности в Тарсе найдены аналогичные статуэтки конца II – I в. до н.э. (ср. Besques 1972, pl. 383 e/d 2554).

⁴⁹ Аналогичен венку на «голове Диониса» из некрополя Варны, IV в. до н.э. (Археологический музей, Варна, инв. № П, 2026 – см. Дремсизова-Нелчинова, Тончева 1971, 39, илл. 36).

⁵⁰ Эти черты фигуры, вполне вероятно, являются лишь следствием преднамеренного подчеркивания отличительных возрастных признаков.

⁵¹ «Некоторые не без оснований склонны отождествлять Диониса с Аттисом, так как последний тоже был отъединен от своего детородного органа» (Clem. Alex. Protrepticus Strom. II. 15, 4). «Состояние оскопленного было для Диониса так же характерно, как и для Аттиса» (Кереньи 2007, 176).

⁵² Ср.: Финогонова 1990, 192, 193; 1992, 242; Сапрыкин, Масленников 1998, 415.

⁵³ См. Vermaseren 1977, 93–95.

Рис. 3. Терракотовые статуэтки: «мальчик, играющий с собакой» (1), «сидящая девушка с гроздьем винограда и гусем» (3, 4); фрагмент ручки чернолаковой чаши в виде мальчика в венке, с поднятым подолом одежды (2)

В этой связи стоит упомянуть еще одну находку из святилища. Это фрагмент атташа ручки буролакового сосуда (канфара или скифоса)⁵⁴ малоазийского производства конца II – первой половины I в. до н.э.⁵⁵, на котором представлено изображение фигуры стоящего мальчика (рис. 3, 2). Голову его украшает венок, верхняя часть тела прикрыта одеждой (хитон?), нижняя обнажена (выделены по-детски полные ноги и выпуклый живот, половой орган не показан); правая рука полусогнута (кисть, приходящаяся на уровень пупка, сколота), левая – согнута в локте, кисть на уровне нижней части груди (создается впечатление, будто она удерживает приподнятый передний край одежды); между подбородком и кистью левой руки – некий прямоугольный (в ракурсе) предмет (который, возможно, поддержи-

⁵⁴ Сколы обломка затерты. Совершенно очевидно, что фрагмент представляет собой вотивное приношение, преднамеренно «изготовленное» из обломка чаши.

⁵⁵ Экспертное определение Д.В. Журавлева, которому выражаю искреннюю признательность.

вается левой рукой?)⁵⁶. Перед нами знакомый уже образ, как бы объединяющий в себе черты юного Диониса и Аттиса.

Необходимо сделать небольшое замечание относительно «богомладенческой» темы вообще и места, которое занимает в ней Дионис⁵⁷. К. Кереньи полагает, что фигура божественного ребенка, типичная для греческой мифологии, играет самостоятельную и специфическую роль⁵⁸. В дихотомии «жизнь – смерть» детская тема стоит особняком. Не случайно детские погребения на некрополях греческих городов дают наибольший спектр вариативности погребального обряда, по большей части обусловленной возрастными характеристиками умершего ребенка⁵⁹. В ряде случаев детские погребения выделяются богатством сопроводительного инвентаря и его специфическим составом⁶⁰. Это позволило рассуждать об особенном статусе умершего ребенка в системе космогонических представлений древних греков⁶¹.

Сказанное дает возможность интерпретировать детский образ статуэтки как Диониса, так сказать, в «переходном» (от смерти к жизни) состоянии. Изображение юного бога с собакой не просто копирует «сценку из уличной жизни детей»⁶², а исполнена (в данном конкретном контексте) некоего культового значения, на который, очевидно, указывает животное, с которым затеял игру ребенок. Собаки в эллинской мифологии – спутники и атрибуты целого ряда богов, в том числе и владыки подземного царства⁶³. Нередко собаки выступают спутниками Гермеса Психопомпа и как воплощение душ умерших людей⁶⁴. Примеры изображений собак на погребальных стелах, по крайней мере с эпохи ранней архаики, столь многочисленны и известны, что, видимо, даже не требуют документального подтверждения⁶⁵.

⁵⁶ В иконографическом плане изображение из святилища очень напоминает терракоту, представляющую мальчика, у которого в поднятом выше пупка подоле хитона лежат «яблоки» (Копенгаген, Глиптотека). Публикация этой статуэтки мне, к сожалению, не известна. Вариант той же изобразительной схемы представлен и в мраморе (в том же музее): стоящий рядом с деревом мальчик в правой руке держит «яблоко» (в экспликации – «гранат»), а правой поддерживает подол одежды, в образовавшейся складке которой лежит еще пять плодов. Эта тема получила дальнейшее развитие в скульптуре римского времени. На левой руке богини в высоком *калафе* из листьев аканфа, опираясь спиной на рог изобилия (в котором поверх виноградных листьев лежат плоды и шишка пинии) сидит мальчик-Плутос, «в подоле» (в свернутом плаще, который он удерживает левой рукой) у него виноградная гроздь, яблоко, гранат, финики и др. (Стамбул, Археологический музей).

⁵⁷ «Почитание Диониса-ребенка берет свое начало с архаического времени, а впоследствии занимает центральное место в орфических религиозных учениях [Nilsson, 1976: 580, 581]» (Русяева 2005, 403).

⁵⁸ «Дионис охранял жизнь преимущественно в тех фазах, где она была мало чем *кране ζωή*» (Кереньи 2007, 187). Среди специфических его черт ученый указывает на связь со стихиями воды и земли (Кереньи 1996, 60 сл.). А.А. Рыбакова обращает внимание на связь со стихией огня и через нее – в качестве «маяка», указывающего божественному ребенку выход на свет, в мир живых, – соотнесенность бога-младенца с идеями жизни, смерти и возрождения (Рыбакова 2002, 121).

⁵⁹ Сударев 2010, 425–427.

⁶⁰ В частности, именно в них преобладают находки терракотовых статуэток, а определенные типы последних встречаются почти исключительно в них (например, см.: Скуднева 1988, 29).

⁶¹ Тульпе, Хршановский 2002, 163.

⁶² Кобылина 1961, 113.

⁶³ См.: Сорокина 1997, 26, 28; Усачева 1983, 80.

⁶⁴ Лосев 1957, 42.

⁶⁵ Приведу, пожалуй, единственный очень выразительный пример. На надгробной стеле II в. до н.э. с Родоса (Глиптотека, inv. 2085) в глубоком рельефе изображен мальчик-подросток в хитоне и длинном плаще, переброшенном через согнутую в локте левую руку, в которой он держит за перед-

Исследователи культов Боспора, в частности роли собаки в религиозном сознании греков, согласны в том, что это животное тесно связано с идеей смерти. Оно сопутствует божеству, когда особо акцентируется его хтонический аспект. Занимая ярко выраженное пограничное положение между жизнью и смертью, собака нередко выступает предвестником смерти, но, в то же время, и «как существо, сопутствующее возрождению»⁶⁶.

На тесную связь собаки с хтоническим Дионисом указывает локальный миф, распространенный в Фокиде Локрийской (Paus. X. 38, 1; Athen. II. 38b)⁶⁷. Не исключено, в контексте представлений, связанных с элевсинским культом, игра вечно возрождающегося божества с посланцем Аида (самой смертью?) и составляет существо представленного в терракоте сюжета, его смысл. Именно поэтому такие и подобные им статуэтки как залог возрождения или загробного блаженства столь уместны в погребениях.

Та же тема отражена в многочисленных вариациях статуэток, изображающих мальчиков с собаками⁶⁸. Менее разнообразны в погребениях статуэтки, изображающие стоящих женщин, опирающихся на колонку, с собачками⁶⁹. Особенностью этих статуэток является головной убор в виде «плоской шапочки» с толстым валиком (венки, обтянутый лентой?). Женщины держат в руках виноградную гроздь – символ Диониса, к которой тянется пес.

Второй тип статуэток представляет «сидящую на постаменте девушку с гусем (уткой) и виноградом» в двух иконографических вариантах.

а) Девушка сидит, подогнув под себя правую ногу и выставив немного вперед и влево левую (стопа и край одежды свешиваются с карниза), корпус ее наклонен вправо. Правой рукой девушка придерживает гуся (утку). Птица тянется к грозди винограда, которую девушка держит в левой руке (рис. 3, 3). Аналогии данному варианту, отличные в деталях, хорошо известны и датируются в пределах II в. до н.э. – начала I в. н.э.⁷⁰

б) Девушка сидит, свесив часть стопы правой ноги с карниза постамента, левая нога согнута в колене и немного отставлена, корпус поставлен прямо. Правая рука придерживает утку (гуся), тянущуюся в сторону корзинки (тарелки?) с виноградом, которую девушка охватывает левой рукой, прижимая к внешней стороне левого бедра (рис. 3, 4а, б)⁷¹.

Прежде, чем рассмотреть вариации на тему «гусь/утка – девушка – виноград/

ние лапы зайца (это символ жизни, плодovitости и эротической связи – см.: Молева 2006; Лиссарраг 2008, 134–135, прим. 28, рис. 102; Hiller 1975, 117, Fußnote 52, Taf. 25), а в поднятой над головой правой руке – мячик; слева от него, приподнявшись на задних лапах, стоит собачка, которая тянется к зайцу (Pful, Möbius 1977, Taf. 109, 326; cf. Taf. 10, 37).

⁶⁶ Молева 2002а, 111; 2002б, 113–117; Хршановский 1996, 36–37; Молева, Хршановский 1999, 79–80; Тульпе, Хршановский 2002, 163.

⁶⁷ См.: Иванов 1994, 85; Винокуров 2002, 29; Лиссарраг 2008, 14–15.

⁶⁸ Кобылина 1961, 113 (II–I вв. до н.э.); Силантьева 1974, 32, № 171, табл. 38, 4; 32, № 174, табл. 38, 7 (II в. до н.э.); 32, № 175 (II–I вв. до н.э.); Финогонова 1992, 244, 248, рис. 15.

⁶⁹ Силантьева 1974, 32, № 176, табл. 39, 1 (начало I в. н.э.); реплики: Коровина 1974, 12, табл. 6, 2, 6, 8 (I в. н.э.); аналогия: Кобылина 1961, табл. XVII, 2.

⁷⁰ Силантьева 1974, 33, № 179, табл. 39, 4; вариант: ОАК за 1896 г., 68; Кобылина 1961, 115–116 = Шкорпил, 1904, 138–139, рис. 41; Сапрыкин, Масленников 1998, 436, 433, рис. 1, 2; Денисова 1981, 122, табл. XVIIIж.

⁷¹ Сколько-нибудь близкой аналогии нашей статуэтке среди опубликованных образцов отыскать не удалось.

плоды», проанализируем семантику атрибутов. В отношении грозди винограда комментарии излишни (это атрибут Диониса, символ возрождения). Ему противостоит новый для нас символ – гусь/утка. Высказывалось мнение, что водоплавающие птицы связаны «со стихией нижнего мира, с темными водами Хаоса и, таким образом, со смертью, с одной стороны, и с идеей плодородия, с другой (Ael. Var. Hist. I. 14)»⁷². Так или иначе, изображения уток отнюдь не редки на погребальных стелах⁷³. Если исходить из этого посыла, данная композиция по смыслу близка композиции «юный Дионис, играющий с собакой», рассмотренной ранее.

Для нас особенно интересна связь водоплавающей птицы с Корой-Персефой, на которую имеется явный намек у Павсания (IX. 39. 2–3). Излагая культовую легенду, связанную со святилищем Деметры Европы⁷⁴ в роще Трофония, близ Лебады (Беотия), он сообщает: «Говорят, Геркина (нимфа, дочь Трофония. – А.З.) играла здесь вместе с Корой, дочерью Деметры; она держала в руках гуся и случайно его выпустила. Он влетел в глубокую пещеру и скрылся под камнем. Тогда Кора, войдя туда, поймала птицу, скрывавшуюся под камнем, и, говорят, из-под того камня, который сдвинула Кора, потекла вода, и потому эту реку назвали Геркиной. На берегу реки есть храм Геркины, а в нем статуя девушки, *державшей в руках гуся*. В пещере же находятся истоки реки и статуи в виде стоящих прямо фигур с жезлами в руках, а вокруг жезлов обвились змеи. Всякий легко догадается, что это статуи Асклепия и Гигиен; но они могут быть также статуями Трофония и Геркины, так как змеи считаются посвященными столько же Асклепию, сколько и Трофонию» (пер. С.П. Кондратьева)⁷⁵.

Стоит особо обратить внимание читателя на то, что в культурных отложениях, а также в ряде культовых объектов святилища довольно часто встречаются остатки костей водоплавающих птиц⁷⁶.

Рассматриваемая тема в боспорской коропластике получила трактовки и в иных иконографических вариантах и типах: *тип 1* – сидящая девушка: с виноградной гроздью и яблоками⁷⁷ или с корзиной с «яблоками»⁷⁸; *тип 2* – стоящая девушка/девочка: опирается локтем левой руки на колонку, виноградная гроздь, к которой тянется гусь/утка, – в правой⁷⁹ или стоит (без колонки), держа виноградную гроздь в правой руке, и, развернув корпус влево, отодвигает ягоды от тянущегося к ним гуся у правой ноги⁸⁰. Помимо женских фигурок с гусем (уткой) встречаются и статуэтки, изображающие мальчиков (юношей) с этой птицей⁸¹.

⁷² Селиванова 1998, 379.

⁷³ Например, на стеле середины IV в. до н.э. из Афин погребенная женщина в левой руке держит утку (Афины, Национальный археологический музей, inv. 892).

⁷⁴ Учрежденным Геркиной (Tzetz. Schol. Lycophr. 153).

⁷⁵ Не сложно заметить, что сюжет этой легенды перекликается с преданием о том, как свиньи Эвбулея, сына Дисавла, упали в расщелину в земле, ведущую в Аид. То же символизирует и пещера (ср. грот – святилище Аида в Элевсине).

⁷⁶ Завойкин, Добровольская 2007, 117–125.

⁷⁷ Кобылина 1974, 27, № 66, табл. 28, 1.

⁷⁸ Денисова 1981, 74, 122, табл. XVIIIз.

⁷⁹ Кобылина 1961, 116, табл. XX, 4; 1974, 27, № 67, табл. 28, 2; Коровина 1974, 12, № 3, табл. 6, 1; Денисова 1981, 76, 122, табл. XVIIIе.

⁸⁰ Сапрыкин, Масленников 1998, рис. 2, 5; Силантьева 1974, 32, № 178, табл. 39, 3.

⁸¹ ДБК, табл. LXXIII, 1, 4; Кобылина 1961, 113–114; Силантьева 1974, 31, № 168, табл. 38, 1; Усачева 1983, 80, рис. 2, 11.

Приведенные материалы⁸² демонстрируют популярность на Боспоре, значительную близость и даже схожесть обоих сюжетов, различие между которыми в отдельных случаях ограничивается только альтернативой: изображена собака *или* гусь/утка. Часто наблюдается один и тот же набор атрибутов: виноградная гроздь и яблоки (гранаты?), венок или «плоская шапочка» с валиком. Очень интересна фигурка мальчика, вокруг которого группируются одновременно и собачка, и гусь⁸³. Эта композиция свидетельствует, по-видимому, о равнозначности семантики обоих животных. С этим сюжетом сопоставима фигурка Аттиса-мальчика, в левой руке держащего утку, а в правой – собачку⁸⁴.

Близкие иконографические схемы с некоторыми переделками и добавлениями эксплуатировались в других культах, изображая Аттиса или Эрота, имевших отношение к культам Кибелы и Афродиты. Они, как и рассмотренные выше терракоты, часто связаны с погребальной практикой, следовательно, как и те, обусловлены «хтонической» сутью представленных сюжетов.

Рассмотренные терракоты (и вариации аналогичных типов) характерны для памятников Боспора II–I вв. до н.э. (не позднее I в. н.э.) и практически не встречаются в Северном Причерноморье за его пределами. Имеются некоторые основания считать, что эти иконографические типы пришли на Боспор из Малой Азии и прочно вошли в культовый обиход боспоритов, во всяком случае, в эпоху Митридата VI.

Учитывая тематическую близость обоих сюжетов, представленных в нашем святилище, трудно определить, что влияло на отбор терракотовых изображений для погребального инвентаря: мальчика, играющего с собачкой (или гусем), или же девушки с теми же животными и гроздью винограда – символами, связанными с загробным миром и Дионисом. Не исключено, что определенную роль здесь играли половозрастные характеристики самого погребенного⁸⁵, но вряд ли только это. Принимая в расчет находки в святилище, можно, пожалуй, утверждать лишь то, что на погребальную практику боспоритов позднеллинистического времени⁸⁶ определенное влияние оказывал культ элевсинских божеств и Диониса.

Итак, в святилище «Берегового 4» следы почитания Диониса (изображения его самого или связанных с ним персонажей и символов) нашли свое отражение в коропластике главным образом во II – первой половине I в. до н.э. Исключение составляют, возможно, только его атрибуты в виде виноградной грозди, которые в принципе могут быть датированы и предшествующим столетием, если не раньше⁸⁷. Отсутствие подобных находок в слое предыдущего периода (конец VI – V в. до н.э.) ставит перед нами закономерные вопросы: 1) можно ли что-то сказать о почитании Диониса в раннее время? и 2) вправе ли мы на основании отмеченных фактов предполагать, что в эллинистический период происходит определенная

⁸² Их хронология в целом укладывается в интервале II–I вв. до н.э. – I в. н.э.

⁸³ Силантьева 1974, табл. 38, 6.

⁸⁴ Кобылина 1974, 28, № 86 и 85, табл. 31, 6. Найдена в 1939 г. в кургане Г в пос. Сенной, в могиле 2, вместе со статуэткой Эрота с петухом.

⁸⁵ Ср.: Шелов 1987, 43–44; Масленников 1997, 136–137.

⁸⁶ И, видимо, позднее, вплоть до III–IV вв. н.э. (Масленников 1997, 134–138).

⁸⁷ Н.В. Молева (2002в, 152) сообщает о находках, связанных с почитанием Диониса, в зольнике Китея исключительно в слоях IV–I вв. до н.э. и отмечает «тесную связь жертвоприношений в честь Диониса с культом Деметры» в IV в. до н.э.

трансформация культа на «Береговой 4»?

Оставим эти вопросы без ответов, для дальнейшего исследования, поскольку поиски иных символов Диониса – дело весьма непростое. Но, пожалуй, в заключение уместно будет напомнить мнение М. Нильссона, который полагал, что «определенное взаимовлияние между Элевсинскими мистериями и культом Диониса началось с конца пятого – начала четвертого века до Р.Х.»⁸⁸. «В тоже самое время (т.е. в IV в. до н.э. – А.З.) на Элевсин проникли и Дионисийские элементы. Одна из связующих нитей – это, безусловно, Иакх, сходство которого с Дионисом-Вакхом мы уже отметили <...> На некоторых поздних Элевсинских вазах Дионис изображен среди Элевсинских богов. Это предвестие срастания разных мистических культов, которое стало обычным явлением в более позднюю эпоху»⁸⁹.

Иными словами, почитание Диониса в святилище Деметры и Коры-Персефоны могло получить дополнительный импульс уже в IV в. до н.э. или позднее.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов, Г.Д. 1970: Терракоты из Херсонеса. *САИ* Г1–11/II, 70–77.
- Бурачков, П.О. 1884: *Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России*. Ч. I. Одесса.
- Буркерт, В. 2004: *Греческая религия. Архаика и классика*. СПб.
- Винокуров, Н.И. 2002: Античный социум: культ вина и винограда. *БИ* II. Симферополь–Керчь, 27–86.
- Герцигер, Д.С. 1976: Четыре фигурных сосуда из Ольвии. В сб.: *Художественная культура и археология античного мира. Сборник памяти Б.В. Фармаковского*. М., 85–93.
- Денисова, В.И. 1981: *Корoplastика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы)*. Л.
- Дремсизова-Нелчинова, Ц., Тончева, Г. 1971: *Антични терракоти от България*. София.
- Завойкин, А.А. 2003: Керамические вотивы на святилище «Береговой 4». В сб.: *IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 93–99.
- Завойкин, А.А. 2006а: Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография. *ВДИ* 3, 61–76.
- Завойкин, А.А. 2006б: Два сюжета в комплексе терракоты на святилище элевсинских богинь (Береговой 4). В сб.: Д.В. Журавлев (ред.), *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной* (Труды ГИМ 159). М., 158–168.
- Завойкин, А.А., Добровольская, Е.В. 2007: Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове. В сб.: *VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 117–125.
- Завойкин, А.А., Сударев, Н.И. 2009: Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия*. М., 174–189.
- Иванов, В.В. 1994: *Дионис и прадионисийство*. СПб.
- Ильина, Т.А., Муратова, М.Б. 2002: Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея. В сб.: *III Боспорские чтения. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь, 115–121.

⁸⁸ Нильссон 1998, 66.

⁸⁹ Нильссон 1998, 86.

- Кереньи, К. 1996: Первичный младенец в предвечные времена. В кн.: К.Г. Юнг. *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев, 38–85.
- Кереньи, К. 2000: *Элевсин: архетипический образ матери и дочери*. М.
- Кереньи, К. 2007: *Дионис. Прообраз неиссякаемой жизни*. М.
- Кобылина, М.М. 1961: *Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории*. М.
- Коровина, А.К. 1974: Терракоты Тирамбы. *САИГ* 1–11/IV, 11–13.
- Лиссарраг, Ф. 2008: *Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира*. М.
- Лосев, А.Ф. 1957: *Античная мифология в ее историческом развитии*. М.
- Максимова, М.И. 1916: *Античные фигурные вазы*. Т. I. Троя, Кипр, Киклады, Крит. *Геометрический и архаический периоды Греции*. М.
- Масленников, А.А. 1997: Две терракоты из крымского Приазовья. В сб.: В.Ф. Мещеряков (ред.), *Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева*. Харьков, 130–140.
- Масленников, А.А. 1999: Сельские святилища античного Боспора. В сб.: *Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира*. СПб., 125–132.
- Мирошина, Т.В., Сазанов, А.В. 1990: Терракоты из некрополя у пос. Кучугуры. *КСИА* 197, 73–78.
- Молева, Н.В. 2002а: Собака в сакральном мировоззрении древних греков (по памятникам вазописи). В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 107–113.
- Молева, Н.В. 2002б: Собака в религиозных представлениях боспорян В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Очерки сакральной жизни Боспора*. Нижний Новгород, 113–117.
- Молева, Н.В. 2002в: Дионисийские мотивы в сакральных комплексах Китея. В сб.: *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. I. СПб., 151–154.
- Молева, Н.В. 2006: ТанDEM «заяц – собака» в религиозном мировоззрении древних греков. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Проблемы антиковедения и медиевистики 2*. Нижний Новгород, 62–73.
- Молева, Н.В., Хршановский, В.А. 1999: Собака в сакральной жизни античного Боспора. В сб.: *VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. Тез. докладов*. М., 79–80.
- Нильссон, М. 1998: *Греческая народная религия*. СПб.
- Пругло, В.И. 1970: Статуэтки из Мирмекия. *САИГ* 1–11/II, 94–100.
- Рыбакова, А.А. 2002: Тема огня в древнегреческих мифах о богомладенцах. В сб.: А.В. Махлаюк (ред.), *Акра. Сборник научных трудов*. Нижний Новгород, 118–125.
- Русяева, А.С. 2005: *Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 1998: Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве. В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 398–440.
- Селиванова, Л.Л. 1998: Аполлоновы лебеди. (К семантике образа в религиозных представлениях античности). В сб.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 363–397.
- Силантьева, П.Ф. 1974: Терракоты Пантикапея. *САИГ* 1–11/III, 5–37.
- Скуднова, В.М. 1988: *Архаический некрополь Ольвии*. Л.
- Сокольский, Н.И. 1976: *Таманский толос и резиденция Хрисалиска*. М.
- Сорокина, Н.П. 1997: *Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ)* (Труды ГИМ 91). М.
- Сударев, Н.И. 2010: Некрополи и погребальные обряды. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани II*. М., 418–472.
- Толстиков, В.П., Виноградов, Ю.Г. 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову*. М., 282–304.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 2002: Сакральное поле некрополя. В сб.: *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища*. Ч. I. СПб., 161–167.

- Усачева, О.Н. 1983: Терракотовые статуэтки из кургана вблизи Кеп. *КСИА* 174, 77–82.
- Финогенова, С.И. 1990: Античные терракотовые маски Северного Причерноморья. *СА* 2, 189–203.
- Финогенова, С.И. 1992: Терракоты Пантикапея из раскопок последних лет. *СГМИИ* 10, 237–256.
- Хршановский, В.А. 1996: Собака в погребальном обряде античного Боспора. В сб.: Т.Н. Дмитриева, В.А. Хршановский (ред.), *Животные и растения в мифоритуальных системах: материалы научной конференции. Октябрь 1996 г.* СПб., 36–37.
- Цымбурский, В.Л. 2002: Имя Диониса. В сб.: *Colloquia classica et indogermanica III. Классическая филология и индоевропейское языкознание.* СПб., 141–166.
- Шелов, Д.Б. 1987: Терракоты и античная культура. В кн.: *Тайны терракоты. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края.* Краснодар, 37–52.
- Шкорпил, В.В. 1904: Отчет об археологических раскопках в г. Керчи его окрестностях в 1902 году. *ИАК* 9, 73–177.
- Шкорпил, В.В. 1909: Отчет о раскопках в г. Керчи в 1906 году. *ИАК* 30, 51–98.
- Besques, S. 1972: *Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains.* Vol. III: *Époques hellénistique et romaine, Grèce et Asie Mineur.* Paris.
- Brumfield, A. 1997: Cakes in the Liknon. Votives from the Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth. *Hesperia* 66.1, 147–172.
- Carpenter, T.H. 1986: *Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Its Development in Black-figure Vase Painting.* Oxford.
- Frontisi-Ducroux, Fr. 1991: *Le dieu-masque. Une figure du Dionysos d'Athènes.* Paris–Rome.
- Gras, M. 1984: Kanthare: société étrusque et monde grec. *Opus* 3, 325–339.
- Hedreen, G.M. 1992: *Silens in the Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance.* Ann Arbor.
- Hiller, H. 1975: *Ionische Grabreliefs der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* (IstMitt. Beiheft 12). Tübingen.
- Pful, E., Möbius, H. 1977: *Die ostgriechischen Grabreliefs.* Bd. I–II. Mainz am Rhein.
- Robinson, D.M. 1952: *Excavations at Olynthus. Pt. XIV. Terracottas, Lamps and Coins, Found in 1934 and 1938.* Baltimore–London–Oxford.
- Schauenburg, K. 1954: Pluton und Dionysos. *JDAI* (1953). Bd. 68, 38–72.
- Sokolowski, F. 1955: *Lois sacrées de l'Asie Mineure.* Paris.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult.* London.

REFERENCES

- Belov, G.D. 1970: Terrakoty iz Khersonesa [Terracottas from Chersonesos]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]* G1–11/II. Moscow, 70–77.
- Besques, S. 1972: *Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, étrusques et romains.* Vol. III: *Époques hellénistique et romaine, Grèce et Asie Mineur.* Paris.
- Brumfield, A. 1997: Cakes in the Liknon. Votives from the Sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth. *Hesperia* 66.1, 147–172.
- Burachkov, P.O. 1884: *Obshchiy katalog monet, prinadlezhashchikh ellinskim koloniyam, sushe-stvovavshim v drevnosti na severnom beregu Chernogo morya, v predelakh nyneshney Yuzhnoy Rossii [General Catalogue of Coins Belonging to the Hellenic Colonies that Existed in Ancient Times on the Northern Shore of the Black Sea, within the Boundaries of Present-Day Southern Russia].* Pt. I. Odessa.
- Burkert, V. 2004: *Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika [Greek religion. Archaic and Classical].* Saint Petersburg.
- Carpenter, T.H. 1986: *Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Its Development in Black-figure Vase Painting.* Oxford.

- Denisova, V.I. 1981: *Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiya, Ilurata i sel'skoy usad'by)* [Coroplastics of the Bosporus (Based on Materials from Tyritace, Myrmecium, Iluraton and a Rural Estate)]. Leningrad.
- Dremsizova-Nelchinova, T.S., Toncheva, G. 1971: *Antichni terrakoti ot B'lgariya* [Antique Terracotta from Bulgaria]. Sofia.
- Finogenova, S.I. 1990: Antichnyye terrakotovyye maski Severnogo Prichernomor'ya [Ancient Terracotta Masks of the Northern Black Sea Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 189–203.
- Finogenova, S.I. 1992: Terrakoty Pantikapeya iz raskopok poslednikh let [Terracottas of Panticapaeum from Recent Excavations]. *Soobshcheniya gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv* [Communications of the Pushkin State Museum of Fine Arts] 10, 237–256.
- Frontisi-Ducroux, Fr. 1991: *Le dieu-masque. Une figure du Dionysos d'Athènes*. Paris–Rome.
- Gertsiger, D.S. 1976: Chetyre figurnykh sosuda iz Ol'vii [Four figural vessels from Olbia]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura i arkheologiya antichnogo mira. Sbornik pamyati B.V. Farmakovskogo* [Artistic Culture and Archaeology of the Ancient World. Collection in Memory of B.V. Farmakovsky]. Moscow, 85–93.
- Gras, M. 1984: Kanthare: société étrusque et monde grec. *Opus* 3, 325–339.
- Hedreen, G.M. 1992: *Silens in the Attic Black-figure Vase-painting. Myth and Performance*. Ann Arbor.
- Hiller, H. 1975: *Ionische Grabreliefs der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* (IstMitt. Beiheft 12). Tübingen.
- Ilyina, T.A., Muratova, M.B. 2002: Votivnyye terrakoty iz khrama na akropole Pantikapeya [Votive Terracottas from the Temple on the Acropolis of Panticapaeum]. In: *III Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy, Pont i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [III Bosporean Readings. Cimmerian Bosporus, Pontus and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 115–121.
- Ivanov, V.V. 1994: *Dionis i pradiionisiystvo* [Dionysus and Pre-Dionysianism]. Saint Petersburg.
- Kerenyi, K. 1996: Pervichnyy mladenets v predvechnyye vremena [The Primordial Infant in the Eternal Times]. In: K.G. Yung. *Dusha i mif: shest' arkhetipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Kyiv, 38–85.
- Keren'i, K. 2000: *Eleusin: arkhetipicheskiy obraz materi i docheri* [Eleusis: Archetypal Image of Mother and Daughter]. Moscow.
- Kerenyi, K. 2007: *Dionis. Proobraz neissyakayemoy zhizni* [Dionysus. Prototype of Inexhaustible Life]. Moscow.
- Khrshanovskiy, V.A. 1996: Sobaka v pogrebal'nom obryade antichnogo Bospora [Dog in the Burial Rite of the Ancient Bosporus]. In: T.N. Dmitrieva, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Zhivotnyye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh* [Animals and Plants in Mythic and-Ritual Systems]. Saint Petersburg, 36–37.
- Kobyлина, M.M. 1961: *Terrakotovyye statuetki Pantikapeya i Fanagorii* [Terracotta Figurines of Panticapaeum and Phanagoria]. Moscow.
- Korovina, A.K. 1974: Terrakoty Tiramby [Terracottas of Tyramba]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/IV. Moscow, 11–13.
- Lissarrag, F. 2008: *Vino v potoke obrazov. Estetika drevnegrecheskogo pira* [Wine in the Stream of Image. Aesthetics of the Ancient Greek Feast]. Moscow.
- Losev, A.F. 1957: *Antichnaya mifologiya v yeye istoricheskom razvitii* [Ancient Mythology in its Historical Development]. Moscow.
- Maksimova, M.I. 1916: *Antichnyye figurnyye vazy. I. Troya, Kipr, Kiklady, Krit. Geo-metricheskiy i arkhaischeskiy periody Gretsii* [Ancient Figured Vases. I. Troy, Cyprus, Cyclades, Crete. The geometric and archaic periods of Greece]. Moscow.
- Maslennikov, A.A. 1997: Dve terrakoty iz krymskogo Priazov'ya [Two terracottas from the Crimean Azov Region]. In: V.F. Meshcheryakov (ed.), *Antichnyy mir. Vizantiya. K 70-letii-*

- yu prof. V.I. Kadeyeva [The Ancient World. Byzantium. On the 70th Anniversary of Prof. V.I. Kadeev]. Kharkiv, 130–140.
- Maslennikov, A.A. 1999: Sel'skiye svyatilishcha antichnogo Bospora [Rural Sanctuaries of the Ancient Bosphorus]. In: *Bosporskiy fenomen: Grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira* [The Bosphoran Phenomenon: Greek Culture on the Periphery of the Ancient World]. Saint Petersburg, 125–132.
- Miroshina, T.V., Sazanov, A.V. 1990: Terrakoty iz nekropolya u pos. Kuchugury [Terracottas from the necropolis near the settlement of Kuchugury]. *Kratkiye soobshcheniya instituta arkhologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 197, 73–78.
- Moleva, N.V. 2002a: Sobaka v sakral'nom mirovozzrenii drevnikh grekov (po pamyatnikam vazopisi) [The Dog in the Sacred Worldview of the Ancient Greeks (Based on Vase Painting)]. In: Ye.A. Molev (ed.), *Ocherki sakral'noy zhizni Bospora* [Essays on the Sacred Life of the Bosphorus]. Nizhniy Novgorod, 107–113.
- Moleva, N.V. 2002b: Sobaka v religioznykh predstavleniyakh bosporyan [The Dog in the Religious Beliefs of the Bosphorans]. In: Ye.A. Molev (ed.), *Ocherki sakral'noy zhizni Bospora* [Essays on the Sacred Life of the Bosphorus]. Nizhniy Novgorod, 113–117.
- Moleva, N.V. 2002c: Dionisiyskiye motivy v sakral'nykh kompleksakh Kiteya [Dionysian Motifs in the Sacred Complexes of Cytaeum]. In: *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha* [The Bosphoran Phenomenon: Funeral Monuments and Sanctuaries]. Pt. I. Saint Petersburg, 151–154.
- Moleva, N.V. 2006: Tandem «zayats – sobaka» v religioznom mirovozzrenii drevnikh grekov [The “Hare – Dog” Tandem in the Religious Worldview of the Ancient Greeks]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Problemy antikovedeniya i medievistiki* [Problems of Classical and Medieval Studies] 2. Nizhniy Novgorod, 62–73.
- Moleva, N.V., Khrshanovskiy, V.A. 1999: Sobaka v sakral'noy zhizni antichnogo Bospora [Dog in the Sacred Life of the Ancient Bosphorus]. In: *VI Chteniya pamyati prof. V.D. Blavatskogo. Tezisy dokladov* [VIth Readings in Memory of Prof. V.D. Blavatsky. Abstracts of Papers]. Moscow, 79–80.
- Nil'sson, M. 1998: *Grecheskaya narodnaya religiya* [Greek Folk Religion]. Saint Petersburg.
- Pful, E., Möbius, H. 1977: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Bd. I–II. Mainz am Rhein.
- Pruglo, V.I. 1970: Statuetki iz Mirmekiya [Figurines from Myrmekion]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/II. Moscow, 94–100.
- Robinson, D.M. 1952: *Excavations at Olynthus. Pt. XIV. Terracottas, Lamps and Coins, Found in 1934 and 1938*. Baltimore–London–Oxford.
- Rusayeva, A.S. 2005: *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu. Mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiyskikh bogov i geroyev* [Religion of the Pontic Hellenes in the Ancient Era. Myths. Sanctuaries. Cults of the Olympic Gods and Heroes]. Kyiv.
- Rybakova, A.A. 2002: Tema ognya v drevnegrecheskikh mifakh o bogomladentsakh [The Theme of Fire in Ancient Greek Myths about the God-Children]. In: A.V. Makhlayuk (ed.), *Akra. Sbornik nauchnykh trudov* [Acra. Collection of Scientific Papers]. Nizhniy Novgorod, 118–125.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 1998: Lyudi i ikh bogi: religioznoye mirovozzreniye v Pontijskom tsarstve [People and Their Gods: Religious Worldview in the Pontic Kingdom]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 398–440.
- Schaenbourg, K. 1954: Pluton und Dionysos. *JDAI* (1953). Bd. 68, 38–72.
- Selivanova, L.L. 1998: Apollonovy lebedi. (K semantike obraza v religioznykh predstavleniyakh antichnosti) [Apollo's swans. (Towards the semantics of the image in religious representations of antiquity)]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 363–397.
- Shelov, D.B. 1987: Terrakoty i antichnaya kul'tura [Terracottas and Ancient Culture]. In: *Tayny terrakoty. Antichnyye ter-rakotovyye statuetki iz muzeyev Krasnodarskogo kraya* [Secrets of Terracotta. Ancient Terracotta Figurines from Museums of the Krasnodar Region]. Krasnodar, 37–52.

- Shkorpil, V.V. 1904: Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v g. Kerchi yego okrestnostyakh v 1902 godu [Report on Archaeological Excavations at Kerch and Environs in 1902]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Archaeological Commission] 9, 73–177.
- Shkorpil, V.V. 1909: Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1906 godu [Report on Excavations at Kerch in 1906]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Archaeological Commission] 30, 51–98.
- Silant'yeva, P.F. 1974: Terrakoty Pantikapeya [Terracotta of Panticapaeum]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Corpus of Archaeological Sources] G1–11/III. Moscow, 5–37.
- Skudnova, V.M. 1988: *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii* [Archaic Necropolis of Olbia]. Leningrad.
- Sokolowski, F. 1955: *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. Paris.
- Sokolskiy, N.I. 1976: *Tamanskiy tolos i rezidentsiya Khrisaliska* [Taman Tholos and the Residence of Chrysalisk]. Moscow.
- Sorokina, N.P. 1997: *Religiya i koroplastika v antichnosti. (figurnyye sosudy iz sobraniya GIM)* [Religion and Coroplasty in Antiquity. (Figured Vessels in the State Historical Museum) (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 91). Moscow.
- Sudarev, N.I. 2010: Nekropoli i pogrebal'nyye obryady [Necropolises and Funeral Rites]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Antichnoye nasledie Kubani* [Ancient Heritage of Kuban] II. Moscow, 418–472.
- Tolstikov, V.P., Vinogradov, Yu.G. 1999: Dekret Spartokidov iz dvortsovogo khrama na akropole Pantikapeya [The Decree of the Spartocids from the Palace Temple on the Acropolis of Panticapaeum]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Yevraziyskiye drevnosti. 100 let B.N. Grakovu* [Eurasian Antiquities. 100 Years of B.N. Grakov]. Moscow, 282–304.
- Tsyburskiy, V.L. 2002: Imya Dionisa [The Name of Dionysus]. In: *Colloquia classica et indogermanica III. Klassicheskaya filologiya i indoevropeyskoye yazykoznaniye* [Colloquia Classica et Indogermanica III. Classical Philology and Indo-European Linguistics]. Saint Petersburg, 141–166.
- Tulpe, I.A. Khrshanovskiy, V.A. 2002: Sakral'noye pole nekropolya [The Sacred Field of the Necropolis]. In: *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nyye pamyatniki i svyatilishcha* [The Bosphoran Phenomenon: Funeral Monuments and Sanctuaries]. Pt. I. Saint Petersburg, 161–167.
- Usacheva, O.N. 1983: Terrakotovyye statuetki iz kurgana vblizi Kep [Terracotta Figurines from a Barrow near Kepoi]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology] 174, 77–82.
- Vermaseren, M.J. 1977: *Cybele and Attis. The Myth and the Cult*. London.
- Vinokurov, N.I. 2002: Antichnyy sotsium: kul't vina i vinograda [Ancient Society: the Cult of Wine and Grapes]. *Bosporskiye issledovaniya* [Bosporos Studies] II. Simferopol–Kerch, 27–86.
- Zavoykin, A.A. 2003: Keramicheskiye votivy na svyatilishche «Beregovoy 4» [Ceramic Votives from the Sanctuary of Beregovoy 4]. In: *IV Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ye* [IV Bosporos Readings. Cimmerian Bosporos and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 93–99.
- Zavoykin, A.A. 2006a: Svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrove: prirodnyaya sreda i sakral'naya topografiya [The Sanctuary of Demeter and Kore on the Fontalovsky Peninsula: Natural Environment and Sacred Topography]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 61–76.
- Zavoykin, A.A. 2006b: Dva syuzheta v komplekse terrakoty na svyatilishche elevsinskiy bogin' (Beregovoy 4) [Two Plots in the Terracotta Complex at the Sanctuary of the Eleusinian Goddesses (Beregovoy 4)]. In: D.V. Zhuravlev (ed.), *Severnoye Prichernomor'ye v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Pamyati N.P. Sorokinoy* [The Northern Black Sea Region in Antiquity and the Middle Ages. In Memory of N.P. Sorokina] (Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 159). Moscow, 158–168.
- Zavoykin, A.A., Dobrovol'skaya, Ye.V. 2007: Bogi, lyudi, zhivotnyye i ptitsy v svyatilishche Demetry i Kory na Fontalovskom poluostrove [Gods, People, Animals, and Birds in the

- Sanctuary of Demeter and Kore on the Fontalovsky Peninsula]. In: *VIII Bosporskiye chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [VIII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Period of Antiquity and the Middle Ages]. Kerch, 117–125.
- Zavoykin, A.A., Sudarev, N.I. 2009: Poseleniye i svyatilishche «Beregovoy 4». Itogi issledovaniy v 1999–2004 g. [Settlement and Sanctuary of “Beregovoy 4”. Results of Research in 1999–2004]. In: N.A. Makarov (ed.), *Arkheologicheskiye otkrytiya 1991–2004 gg. Yevropeyskaya Rossiya* [Archaeological Discoveries of 1991–2004. European Russia]. Moscow, 174–189.

“TRACES OF DIONYSUS” IN THE SANCTUARY OF DEMETER AND KORA
ON THE FONTALOVSKY PENINSULA

Aleksey A. Zavoykin

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bospor@inbox.ru

The paper examines finds from the sanctuary of Demeter and Kore-Persephone, located on the cape in the central part of the Beregovoy 4 settlement (the Fontalovsky Peninsula), which are associated with the worship of Dionysus. There are few of them, but they are relatively diverse. These are images of the god himself (his masks), fragments of a terracotta statuette and a figurative vessel representing Dionysus or his companion Silenus, ceramic votives in the form of an attribute of the god: a bunch of grapes, and finally, three statuettes, one of which represents a half-naked boy in a “Dionysian wreath” playing with a dog, and two identical statuettes of seated girls who hold a bunch of grapes in one hand and hold a goose (duck) reaching for the fruit with the other hand. The article focuses on the analysis of the cult aspect of these offerings in the sanctuary of the Two Goddesses, as well as on the chronology of the objects under consideration. The author notes the relationship between the subjects and attributes found in the sanctuary and some burial traditions in the Bosporus during the Hellenistic period. It is noteworthy that the votive offerings, obviously associated with the cult of Dionysus in this sanctuary, are dated earlier than the 4th century BC, but mainly refer to the 2nd – first half of the 1st century BC. On this basis, it is concluded that in the previous period (late 6th – 5th centuries BC), the veneration of the many-faced god was carried out in the sanctuary in other, less obvious forms.

Keywords: Cimmerian Bosporus, sanctuary, Beregovoy 4 settlement, Demeter, Kore, Dionysus, terracotta, votives, figurines
